

Автор: Лана Варнавская

Серия книг
о космосе

ПЛАНЕТА МЕЛАНЦИЯ

18+

Лана Варнавская
Планета Мелания

«Автор»

2026

Варнавская Л.

Планета Мелания / Л. Варнавская — «Автор», 2026

В мире, где суровые законы природы определяют судьбу каждого жителя, Мила борется за своё место под облаками. На планете, вращающейся на краю галактики, где сезоны сменяются непредсказуемо, а ветры достигают ураганной силы, живёт народ меланов — изобретатели и инженеры, приспособившиеся к жизни в гигантских скальных массивах. Мила, обладающая запретным серебристым цветом волос, скрывает свою истинную сущность под платком и работает библиотекарем на второй параллели. Её жизнь меняется, когда она находит древний дневник с формулой, способной изменить судьбу всей планеты. Но на её пути встают не только природные препятствия, но и тайны, скрытые с рождения. В мире, где статус определяется высотой проживания, а цвет волос — положением в обществе, Миле предстоит сделать выбор между долгом перед семьёй и собственной мечтой. Между запретом на брак и возможностью быть счастливой. Между тайной, которую она хранит, и правдой, которая может стоить ей жизни. А также найти свою любовь.

© Варнавская Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

СЕРИЯ ЛЕГЕНДЫ О КОСМОСЕ	6
КНИГА 1	7
Глава 1. Жизнь.	9
Глава 2. Тайна волос.	11
Глава 3. Нана.	15
Глава 4. День Лиля.	18
Глава 5. Роковая встреча.	25
Глава 6. Неизвестность.	30
Глава 7. Переезд.	32
Глава 8. Сны	35
Глава 9. Перерождение.	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Лана Варнавская

Планета Мелания

Оглавление

СЕРИЯ ЛЕГЕНДЫ О КОСМОСЕ

КНИГА 1

Планета Мелания

Предисловие

Глава 1. Жизнь.

Глава 2. Тайна волос.

Глава 3. Нана.

Глава 4. День Лила.

Глава 5. Знаменательная встреча.

Глава 6. Неизвестность.

Глава 7. Переезд.

Глава 8. Сны

Глава 9. Перерождение.

Глава 10. Обет или свадьба.

Глава 11. Торги и последствия.

Глава 12. Вступительные экзамены.

Глава 13. Скоротечное венчание.

Глава 14. Начало обучения.

Глава 15. Глаза в глаза.

Глава 15. Ревность.

Глава 16. Объяснения.

Глава 17. Император

Глава 18. Огненная студентка

Глава 19. Исследования

Глава 20. Второй год: Крах и огонь

Глава 21. Третий год: Тогометадд

Глава 22. Как крадут чужое

Глава 23. Бабочки.

Глава 24. Предательство

Глава 25. И снова бабочки

Глава 26. Синхронизация магии

Глава 27. Первое нападение

Глава 28. Выпускные экзамены.

Глава 29. Они вместе

Глава 30. Опубликование исследований.

Глава 31. Кража.

Глава 32. Попытки

Глава 33. Ритуал.

Эпилог

СЕРИЯ ЛЕГЕНДЫ О КОСМОСЕ

Благодарности:

Я хочу сказать огромное спасибо вам, дорогие читатели. Когда я начинала писать свою первую книгу, это был всего лишь эксперимент — проба пера, попытка рассказать историю, которая жила где-то внутри меня. Я выложила книгу для вас и забыла про нее на несколько лет. Я и представить не могла, что она найдёт такой живой отклик в ваших сердцах, когда увидела ваши отзывы. Да, я новичок и мне еще многому учиться.

Ваши отзывы стали для меня настоящим источником вдохновения. Именно благодаря вашей поддержке и искреннему интересу я решилась продолжить эту историю — и так рождается целая серия книг.

Спасибо за то, что поверили в меня ещё тогда, когда я сама в себя не до конца верила. Спасибо за эмоции, которые вы написали. Эта серия — во многом ваша заслуга.

С благодарностью и теплом, я.

КНИГА 1

Планета Мелания

Предисловие

Этот мир расположен на самой окраине галактики — в зоне, где звёздные потоки ослабевают, а космические бури бушуют с особой яростью. Его орбита необычна: планета вращается под острым углом, из-за чего сезоны сменяются непредсказуемо, а погодные явления достигают чудовищной силы.

Меланы — гуманоидная раса, приспособившаяся к жизни в экстремальных условиях. Их кожа чуть плотнее человеческой, а обмен веществ ускорен, чтобы противостоять холоду на больших высотах.

Над плотными слоями облаков, на головокружительной высоте, возвышаются гигантские скальные массивы — естественные крепости, ставшие домом для меланов. Эти скалы пронизаны пещерами и гротами, которые поколениями расширялись и обустроивались.

Статус мелана напрямую определял на какой высоте его жилище:

Император и его свита обитали на самых высоких пиках, почти теряющихся в верхних слоях атмосферы. Их резиденции — это целые дворцовые комплексы, высеченные в монолитных скалах.

Знать и высокопоставленные чиновники жили на средних уровнях — их жилища отличались сложной архитектурой и искусными украшениями.

Ремесленники и торговцы занимали более низкие уровни, где облака были плотнее, а видимость хуже.

Подмастерья и рабы ютились у самого основания скал, в зоне постоянных туманов и сырости, где облака сливались с землёй.

Иерархия меланов также отражалась во внешности — в цвете волос:

Серебристо-белые — исключительная привилегия императора и его ближайших родственников. Этот цвет считался божественным знаком.

Светло-пепельные — признак высшей аристократии и ближайших советников императора.

Серо-стальные — цвет высокопоставленных военных и чиновников.

Тёмно-серые — принадлежность к среднему классу: купцам, инженерам, учёным.

Чёрные — метка низших слоёв общества: подмастерьев, слуг и рабов. Этот цвет ассоциировался с землёй и тяжёлым трудом.

Меланы — народ изобретателей и инженеров. Несмотря на суровые условия, они добились впечатляющих технологических успехов:

создали летающие машины — аппараты на паровом и магическом топливе, способные противостоять сильнейшим ветрам;

разработали системы связи через световые сигналы и ретрансляторы на скалах;

освоили добычу редких минералов в труднодоступных горных расщелинах;

научились использовать энергию гроз для питания некоторых механизмов.

Однако их главная проблема оставалась нерешённой: любая попытка построить наземные сооружения за пределами естественных скальных укрытий заканчивалась провалом. Ураганные ветры, кислотные дожди и землетрясения разрушали даже самые прочные конструкции. Поэтому меланы были вынуждены оставаться в своих горных крепостях.

Помимо меланов, планету населяла другая раса — авергены. Они внешне напоминали людей, но их тела были причудливо изменены: части конечностей, головы или туловища заменялись животными аналогами.

Авергены делились на два подвида:

Высшие авергены - больше похожи на людей, обладают развитым интеллектом. Их животные черты (клыки, когти, чешуя, рога) выражены умеренно. Крайне агрессивны, воинственны, стремятся к расширению территорий. Умеют планировать, строить стратегии, использовать примитивное оружие. Считают меланов своими главными врагами и мечтают захватить их горные крепости.

Низшие авергены - практически полностью утратили человеческий облик, напоминая огромных зверей. Действуют исключительно на основе инстинктов: охота, защита территории, размножение. Подчиняются высшим авергенам, выполняя роль живой силы в войнах.

Авергены живут под землёй, создавая огромные сети туннелей и лабиринтов. Их подземные города — это:

многоярусные пещеры с естественными залами;

разветвлённые ходы, иногда достигающие глубин в несколько километров;

системы пещерных озёр и рек, используемых для орошения грибных плантаций (основной источник пищи).

Главная цель высших авергенов — завоевать горы, где живут меланы. Причины этого стремления:

нехватка ресурсов в подземных городах;

желание обрести новые территории для расширения популяции;

давняя вражда, уходящая корнями в древнюю историю планеты;

зависть к технологиям меланов и их доступу к небесным ресурсам.

Мир суров не только к меланам, но и ко всем его обитателям:

Ветры — могут достигать скорости 200 км/ч, срывая неосторожных со скал.

Кислотные дожди — разъедают металл и камень, вынуждая меланов постоянно ремонтировать жилища.

Грозы — электрические разряды здесь мощнее, чем на других планетах, иногда поражая летательные аппараты.

Животные — на планете обитают удивительные и опасные создания: крылатые хищники, охотящиеся на летательные машины; гигантские черви, прорывающие туннели и угрожающие подземным городам авергенов; светящиеся ночные твари, нападающие стаями.

Этот мир — место постоянной борьбы: меланы сражаются со стихией, авергены — за место под солнцем (или, точнее, среди облаков), а природа проверяет на прочность всех, кто осмелится назвать эту планету домом.

Глава 1. Жизнь.

Я выросла в семье сапожника и ткачихи — в маленьком домике на первой параллели, где стены были тонкими, а зимой сквозь щели задувал ледяной ветер, от которого даже шерстяные одеяла не спасали. Всю жизнь мои родители работали не покладая рук — с первыми лучами солнца и до самой темноты, пока последние отблески заката не гасли за скалами. Папа стучал молотком, сшивал кожи, чинил подошвы, а мама перебирала нити, ткала грубые полотна, из которых потом шили одежду для таких же, как мы.

У меня есть два чудесных братика. Старший брат Вер — крепкий, серьёзный, уже сейчас плечистый, как взрослый мужчина. Он, как главный продолжатель рода, перенимает всё у папы. «Когда меня не станет, — говорит отец, — Вер должен будет вас накормить, защитить, удержать семью на ногах». Вер кивает, хмурит брови и старается изо всех сил — учится всему, что знает отец, запоминает хитрости ремесла, будто на плечах уже лежит вся тяжесть будущего.

Младший брат Лил — совсем другой. Лёгкий, весёлый, с глазами, полными чудес. Он напевает мелодии, которых никто никогда не слышал, и говорит, что они приходят к нему во сне. Мы с мамой только переглядываемся, удивляясь, откуда у ребёнка такие звуки в голове.

Я училась и у папы, и у мамы — и шить, и чинить обувь, и разбираться в нитках, в коже, в том, как сделать так, чтобы вещь служила долго. Но во мне всегда была жажда знаний — неутолимая, жгучая. Я читала всё, что попадалось под руку: обрывки газет, старые афиши, потрёпанные брошюры. И я стала единственной с нашей параллели улицы, кто выучился в школе и пошёл работать библиотекарем.

В будние дни я работала в библиотеке и наслаждалась книгами — вдыхала запах старых страниц, водила пальцами по тиснению на корешках, погружалась в истории, которые уносили меня далеко от узких улиц первой параллели. В выходные я помогала маме и папе — перебирала нитки, подшивала края, чинила обувь, мыла полы, носила воду из колодца.

Я мечтала поступить в университет и стать учёным. Но университет был доступен только меланам с третьей параллели и выше. Моя мечта казалась недостижимой, почти смешной. Но я всё равно мечтала — вдруг повезёт, как со школой? Ведь в ней меланам с первой параллели тоже нельзя учиться — то есть можно, но у нас её просто нет.

А потом я встретила старушку со второй параллели. Она шла по рынку, опираясь на трость, в платке, скрывавшем седые волосы, и вдруг остановилась, посмотрела на меня внимательно, будто увидела что-то знакомое. Она представилась Наной и сказала, что я похожа на её приёмную дочку, погибшую накануне начала школы. И она договорилась со старостой параллели, чтобы меня взяли.

Родители были в восторге. Мама плакала, папа сжимал мою руку и повторял: «Ты у нас умница, Мила, ты у нас особенная». И я тоже ликовала — ведь с первой параллели выше подниматься запрещается без разрешения старосты, а я так хотела узнавать всё новое!

Нана и здесь подсобила. Она договорилась со старостой, и мне дали разрешение на неограниченное времяпровождение во второй параллели. Собственно, поэтому я и смогла устроиться библиотекарем при школе.

На вопрос, зачем она для меня всё это делает, Нана ответила тихо, с грустной улыбкой:

— У меня была усыновлённая дочка, очень похожая на тебя. Она погибла накануне начала школы. Теперь ты — мой лучик, Мила.

Вот так мне повезло со школой. Теперь каждую пятницу мы встречаемся с Наной у водопада, и я рассказываю ей про всё новое, что узнала, про свою жизнь, слушаю её советы. Она стала мне бабушкой, которую я очень полюбила.

Сегодня как раз пятница. И я жаждала встречи с Наной, чтобы рассказать про состав, похожий на камень, формулу которого я нашла в древнем дневнике неизвестного учёного.

Сердце трепетало от волнения — если этот состав существует, меланы смогут строить дома на внешней земле, а не жить внутри скал!

— Мила, ты ещё не проснулась что ли?! Ну-ка быстро поднимайся, дорогая, тебе через десять минут выходить, а ты ещё не поела! — крикнула мама с кухни.

Я вскочила с кровати, чувствуя, как сон ещё цепляется за веки. Умылась ледяной водой из кувшина — она всегда была ледяной, потому что хранили её в погребе. Прибрала комнату: сложила книги на полку, поправила покрывало, смахнула пыль с подоконника. Подкрасила брови и ресницы глиной — у нас так делают все девушки, чтобы выглядеть чуть ярче в этом сером мире. Повязала платок на волосы.

Из-за цвета волос и всегда повязанного платка я стала гадким утёнком. Я не могла выйти на улицу без платка, так как, в отличие от всех меланов с первой по девятую параллель, мой цвет волос был серебристый, как у читы императора. Мама, боясь, что меня за это казнят, взяла с меня клятву, что я никогда и никому не покажу свой цвет волос.

Я вышла из комнаты, поцеловала маму в щёку — она пахла тестом и травами — и поторопилась к выходу.

— Опять на работу без завтрака? И так кожа да кости, покушай уже, — сказала мама.

Да, я была худощавой, но при этом грудь и бёдра у меня выпирали значительно.

— Я не голодна, мамуль. И я опаздываю. Давай завтра, — ответила я и вышла на улицу, услышав в ответ ворчание мамы.

Погода сегодня была отличная для прогулки — небо ясное, ветер слабый, облака плыли высоко, не угрожая дождём. Пройдя мимо лифта, я решила пойти пешком на вторую параллели по лестнице.

Работа кипела везде. Гончар мистер Эван лепил свои глиняные кружки и тарелки, его руки ловко формировали глину, а рядом сушились готовые изделия.

— Привет, Мила, твой заказ будет готов завтра, — сказал он, вытирая руки о фартук.

— Здравствуйте, мистер Эван, спасибо, очень рада, что заказ получается сделать раньше, — ответила я.

Я заказала у него на день рождения младшему братику ложку с надписью: «Бери больше». Лил, в силу возраста, больше интересовался игрушками, шалостями и улицей, чем едой, поэтому я решила немного стимулировать его желание к пище. А ещё он всё время напевал разные мелодии, которых никто никогда не слышал. Мы всегда удивлялись: откуда он их знает и где их слышал?

Проходя мимо стражника на посту у лестницы, я поздоровалась с ним. Он подмигнул мне и тут же сделал серьёзное лицо, типа это не он сейчас подмигнул. Забавный дядечка. Второй его сменщик всегда стоял букой и слова лишнего не скажет.

Я добежала до работы и остановилась, залюбовавшись. Старинное серое здание с колоннами — всё просто, но со вкусом. Где-то пошарпаны стены, где-то подломлены колонны, но я люблю это здание и запах книг в нём — сладковато-пыльный, с нотками старой бумаги и чернил. Ожидание чего-то древнего, загадочного и чудесного... «В древних записях я нашла формулу, которая может изменить судьбу всей планеты. Но хватит ли у меня смелости проверить её?»

Глава 2. Тайна волос.

Открыла библиотеку, включила свет. Кстати, свет на второй параллели для меня стал открытием — дома мы пользовались только свечами, которые папа делал сам из воска и фитиля, а здесь были тоннели под потолком, зажигающиеся цепной реакцией от входа. Приготовила учётные книги к посетителям библиотеки и села читать дальше дневник того самого неизвестного учёного.

Меня очень заинтересовал тот состав, который он описывал. Если он реально существует, то меланы смогут построить свои дома на внешней земле, а не жить внутри скал. Учёный писал, что это возможно, но нужно добавить в разработанный состав один ингредиент, который он никак не может подобрать. Затем протестировать на внешней земле.

Я начала кусать губы от того, что руки чесались найти этот ингредиент и провести эксперимент. Но у меня нет ни места, ни приспособлений для проведения такого эксперимента. Я вздохнула. Очень жаль.

На двери звякнул колокольчик, и зашли постоянные посетители — Дир и Ког. Мальчишки по тринадцать лет, которые поспорили, кто будет лучше учиться, тот и выиграет. Прекрасные дети. Встретила я их первый раз на площади, когда они кидали друг в друга грязью. Дир попал Когу прямо в глаз, от чего Ког заплакал. Наблюдать дальше эту картину стало невыносимо, и я вмешалась. Рассказала про легенды о рыцарях императора, о том, что рыцарем можно стать даже на первом уровне, если они будут хорошо учиться, заниматься спортом и вовремя подадут заявку на турнир, где отберут будущих рыцарей для обучения в школе рыцарства.

Да, рыцарей с первых параллелей не было вообще, а со второй — один за всю историю, но закон есть закон, а он допускал меланов с нижних параллелей на участие в турнире за призвание стать рыцарем.

— Привет, Мила. Ты ещё никого себе в мужья не присмотрела? — сказал Дир, ухмыляясь.

— Нет, Дир. Я никого не вижу, кроме своих посетителей. Когда и кого мне высматривать? — ответила я, смеясь.

— В общем, так, — сказал Дир. — Через месяц мне исполняется четырнадцать лет, и я подаю заявку на участие в рыцарском турнире. Через два месяца он состоится и я обязательно выиграю и возьму тебя в жены. Так что продолжай также работать, а я тебя заберу.

- Аха-ха-ха – рассмеялся Ког. – А ты у нее спросил, интересен ты ей или нет?! Она моей будет женой и это я выиграю турнир!

Оба парня набычились, сжали кулаки и шагнули друг к другу, сверкая глазами. Дир выпятил грудь, стараясь казаться выше и внушительнее, а Ког, хоть и был чуть ниже, упёр руки в бока и наклонил голову, как разъярённый бык. Я почувствовала, как воздух в библиотеке стужился от напряжения — даже пылинки, обычно танцующие в солнечных лучах, будто замерли.

Похлопав в ладоши, чтобы привлечь их внимание, я встала между ними, широко раскинув руки.

— Ребятки, — сказала я как можно мягче, но твёрдо, — остановитесь. Вы же друзья, разве нет?

Они замерли, тяжело дыша, но не сводили друг с друга глаз. Я вздохнула и решила рассказать им горькую правду — ту, которую скрывала даже от всех, кроме близких: семьи и Наны.

— Я не смогу стать ничьей женой, — произнесла я, и голос чуть дрогнул, потому что в этот момент я в очередной раз осознала, чего лишаюсь. — Через месяц я дам обет безбрачия. Я нужна своей семье, и только ей.

Дир моргнул, будто не поверил своим ушам. Его лицо, ещё секунду назад искажённое гневом, стало растерянным.

— Но почему? — спросил он, и в его голосе прозвучала неподдельная обида. — Ты же умная, добрая, красивая...

— Да, — подхватил Ког, тут же забыв про ссору. — И ты так много знаешь! Ты бы стала отличной женой учёного или рыцаря!

Я улыбнулась им, благодарная за эти слова, но покачала головой.

— Спасибо, ребята, — сказала я. — Но дело не в том, чего я хочу или не хочу. Моя семья нуждается во мне. Я зарабатываю больше их всех вместе взятых — всё-таки на второй параллели зарплата намного выше. Папа может дольше работать над заказами, мама не так устает, а Лил... Лил может мечтать о большем, чем просто выжить.

Но проблема была не в этом. Проблема была в моих волосах. Точнее, в их цвете. Я глубоко вздохнула, вспоминая тот разговор с мамой, который состоялся несколько месяцев назад.

Тогда она сидела у окна, перебирала нити для нового полотна, и её пальцы дрожали.

— Мила, — сказала она тихо, — если ты выйдешь замуж, рано или поздно муж увидит твои волосы. И тогда... ты понимаешь, что будет?

Я кивнула, чувствуя, как к горлу подступает ком.

— Можно сбрить их, — предложила мама, но в её глазах читалась боль. — Тогда ты будешь в безопасности.

— И кому я буду нужна лысая, с накрашенными бровями и ресницами? — прошептала я. — Ведь они тоже цвета серебра.

Мама замолчала, опустила голову, и я увидела, как по её щеке скатилась слеза.

Поэтому я решила дать обет безбрачия, — подумала я, возвращаясь к мальчикам. — Посвятить себя семье и книгам. Мечта об университете и профессии учёного останется только мечтой, но другого выхода я не видела. Обет можно дать в день твоего восемнадцатилетия или после неудачного брака. Брак мне не светил, значит, оставался только первый вариант.

Оба мальчика насупились. Дир опустил голову, его плечи поникли. Ког почесал затылок, потом поднял взгляд на меня.

— Это... несправедливо, — пробормотал он.

— Да, — согласился Дир. — Ты заслуживаешь счастья.

Я почувствовала, как к глазам подступают слёзы, но быстро сморгнула их.

— У меня есть счастье, — сказала я. — У меня есть семья, книги, вы, мои дорогие читатели. И я буду счастлива, помогая вам становиться лучше. А теперь берите книги и идите домой. Грызть гранит науки — это куда полезнее, чем драться из-за глупостей.

Они переглянулись, и на их лицах появилось что-то новое — не детская обида, а взрослое понимание. Дир подошёл к полке, выбрал толстый том по истории рыцарства, а Ког взял учебник по математике, который я ему недавно рекомендовала.

— Мы будем стараться, — сказал Дир, глядя мне в глаза.

— Чтобы однажды доказать, что достойны стоять рядом с тобой, — добавил Ког.

Я улыбнулась, чувствуя, как тепло разливается в груди.

— Я в вас верю, — сказала я. — А теперь ступайте. И помните: знания — это сила. Сильнее любого меча.

Мальчики кивнули, попрощались и вышли из библиотеки, тихо переговариваясь. Я смотрела им вслед, и сердце моё наполнилось гордостью. Может, я и не стану женой или учёным, но я могу помочь другим осуществить их мечты. И в этом тоже есть своё счастье.

Закрыв за ними дверь, я подошла к окну и посмотрела на улицу. Солнце клонилось к закату, окрашивая скалы в золотистые тона. Где-то вдалеке слышался гул летающей машины, а ветер доносил запах свежей выпечки из соседней пекарни. Жизнь шла своим чередом, и я была частью этой жизни — такой, какая она есть.

Через полчаса пришёл мистер Вин — хозяин библиотеки. Он появился в дверях, опираясь на свою любимую трость с резной ручкой в виде головы грифона, и его присутствие сразу наполнило помещение особым теплом и уютом.

Мистер Вин был невысоким стариком с круглой спиной и удивительно живыми глазами — ярко-голубыми, пронзительными, будто высвечивающими всё до самого дна души. Его борода, пушистая и слегка растрёпанная, действительно выглядела забавно: она торчала во все стороны, словно он только что проснулся и не успел её привести в порядок. Но за этой комичной внешностью скрывался ум, острый как клинок, и проницательность, от которой порой становилось не по себе.

Я невольно выпрямилась, поправляя платок на голове — привычка, выработанная годами осторожности. Взгляд мистера Вина скользнул по моему лицу, задержался на платке, и в его глазах мелькнуло что-то, что я не смогла расшифровать. Я снова поймала себя на мысли: а не знает ли он мою тайну? Слишком уж часто он бросал фразы, заставлявшие меня замирать на месте и лихорадочно придумывать ответ.

— Мила, ты снова в платке, — произнёс он, медленно подходя ближе. Его голос звучал мягко, но в нём угадывалась какая-то скрытая глубина. — Выпусти уже серебряного лебедя на волю, и всё встанет на свои места.

Моё сердце пропустило удар. «Серебряный лебедь» — слишком точное сравнение. Кто ещё мог бы так выразиться? Я почувствовала, как по спине пробежал холодок, но тут же заставила себя улыбнуться и ответила, стараясь, чтобы голос звучал беззаботно:

— Доброе утро, мистер Вин. А если это чернокрылый ворон? — рассмеялась я, стараясь придать словам шуточный оттенок.

Старик посмотрел на меня долгим взглядом — не осуждающим, не любопытным, а каким-то понимающим. Он покачал головой из стороны в сторону, слегка приподнял уголки губ в едва заметной улыбке и, ничего не сказав, направился в свой кабинет. По пути он провёл рукой по корешкам книг на ближайшей полке, словно здороваясь со старыми друзьями.

День прошёл незаметно, но насыщенно. Я выдавала книги в прокат, отмечала записи в учётных журналах, помогала посетителям найти нужные издания. Кому-то давала почитать в читальном зале — там, у больших окон с витражными стёклами, где солнечные лучи играли цветными бликами на полу.

Сегодня меланы были особенно дружелюбны: молодая мать с двумя детьми благодарила меня за подборку сказок, которые помогли уложить малышей спать; пожилой учёный, изучавший древние записи о строительстве, поделился интересной теорией о том, как можно укрепить дома на внешней земле; группа школьников пришла за книгами по истории рыцарства — они готовились к школьному турниру и горели энтузиазмом.

Каждый разговор, каждая улыбка добавляли тепла моему настроению. Я ловила себя на том, что всё чаще улыбаюсь в ответ, а внутри разливается приятное предвкушение встречи с Наной.

В восемь часов, когда последние посетители разошлись, я принялась наводить порядок. Тщательно вытерла пыль с полок, стараясь не пропустить ни одного уголка. Помыла пол, используя специальный раствор, который не оставлял разводов на старом деревянном покрытии. Расставила все книги по местам — сначала по разделам, затем по алфавиту, проверяя, чтобы корешки стояли ровно, как солдаты на параде. Протёрла стёкла витражных окон, любуясь, как закатное солнце окрашивает их в розовые и золотые тона.

Закончив, я ещё раз окинула взглядом библиотеку — теперь она выглядела идеально: книги стояли ровными рядами, воздух наполнился тонким ароматом старой бумаги и полировочной мастики, а в зале царил мягкий полумрак, нарушаемый лишь светом нескольких ламп.

Попрощавшись с мистером Вином, который сидел в своём кабинете и что-то записывал в толстую книгу, я накинула лёгкую накидку и помчалась на встречу с Наной, думая- «Мистер

Вин снова упомянул про серебряного лебедя. Что он знает о моём секрете? И почему так пристально смотрит на мой платок?»

Глава 3. Нана.

Ветер играл с краями платка, а в груди билось радостное предвкушение — скоро я увижу её, расскажу обо всём, что узнала за неделю, и послушаю её мудрые советы.

По дороге я невольно оглядывалась по сторонам, впитывая атмосферу второй параллели: мимо пролетела небольшая летающая машина, издавая тихое гудение; в лавке у пекаря пахло свежим хлебом и корицей; дети играли в салки возле фонтана, их смех звонко разносился по улице; на углу стоял уличный музыкант и играл на флейте мелодию, напоминавшую о чём-то далёком и светлом.

Всё это создавало ощущение живого, дышащего мира, в котором у меня тоже было своё место — пусть не самое высокое по статусу, но наполненное смыслом и теплом. И в этом мире меня ждала Нана, мой лучик света в пасмурные дни.

Прибежав на водопад, я увидела Нану — она сидела на большом плоском камне, обхватив колени руками, и смотрела на падающую воду. Её фигура в широком балахоне казалась хрупкой и незащищённой на фоне бурного потока. Я на мгновение замерла, вглядываясь в её силуэт: раньше она всегда сидела прямо, с гордо поднятой головой, а сейчас её плечи ссутулились, а спина согнулась, будто под тяжестью невидимого груза.

Сердце сжалось от недоброго предчувствия. Я кинулась к ней, спотыкаясь о камни, но всё же удержалась на ногах и опустилась рядом, схватив её за руку.

Мы очень любили это место — оно было единственным островком красоты и покоя на второй параллели. Водопад, размером с маленький домик, низвергался с высоты, разбиваясь о камни внизу и создавая вокруг себя туманную дымку. Его обрамляли массивные валуны, покрытые мягким изумрудным мхом — единственным растением, способным выжить в суровых условиях этой параллели. Здесь, вдали от городской суеты, можно было передохнуть, послушать шум воды и почувствовать, как напряжение покидает тело.

— Нана, Нана! — задыхаясь от волнения, воскликнула я. — Ты себе не представляешь, что я нашла! В дневнике неизвестного учёного — формула состава, который может позволить меланам строить дома на внешней земле! Представляешь?

— Мила, подожди, не таракти, — перебила она меня тихим, хриплым голосом, и я впервые заметила, насколько она бледна. Её лицо, обычно румяное и оживлённое, теперь было серым, измождённым, а под глазами залегли глубокие тени. Под балахоном угадывались выпирающие ключицы и тонкие, хрупкие руки.

«Может, поэтому она пропустила встречу в прошлую пятницу?» — пронеслось у меня в голове. Я почувствовала, как внутри всё похолодело. Похоже, она серьёзно приболела.

— Что случилось, Нана? — прошептала я, сжимая её ладонь.

— Ко мне приходил лекарь, — медленно произнесла она, опустив взгляд на свои руки, сложенные на коленях. Её пальцы, всегда такие ловкие и умелые, теперь дрожали.

— Ну и? Что сказал лекарь? Что с тобой? — я почти кричала, не в силах сдержать страх.

Нана подняла глаза — в них читалась усталость, но не отчаяние.

— Мне осталось жить неделя, максимум две, — сказала она спокойно, будто сообщала прогноз погоды. — Опухоль в голове, рвёт меня на части.

— Но как?! — я схватила её за плечи, пытаюсь найти в её лице хоть намёк на шутку. — С тобой же всё было хорошо! Ты ещё на прошлой неделе рассказывала мне про новый сорт чая, который попробовала!

— Нет, дорогая, — она мягко отстранила мои руки и погладила меня по щеке. — Опухоль растёт уже два года. Я знала это и подготовилась к кончине. Жаль только, — её голос дрогнул, — не увижу, как ты живёшь, растёшь, как рождаются твои детки... — Нана замолчала, и на

её лице появилось мечтательное выражение, будто она уже видела эту картину где-то далеко, за гранью реальности.

— Нана, почему ты молчала? — слёзы навернулись на глаза, горло сдавило. — Может, что-то можно сделать? Есть же лекари, целители, маги...

Она отмахнулась рукой — устало, но твёрдо.

— Всё уже решено, Мила. А теперь слушай внимательно. Значит, так, дорогая: всё, что я нажила непомерным трудом, я передаю твоей семье в наследство. Дом, сбережения, библиотеку — всё твоё.

Я открыла рот, чтобы возразить, но она подняла палец, призывая к молчанию.

— А ты мне дашь клятву на крови, что никакого обета безбрачия ты давать не будешь.

— Нана, я не могу, ты же знаешь, — я покачала головой, чувствуя, как слёзы катятся по щекам. — Ну как я объясню супругу свой цвет волос? Что, если он донесёт? Меня же казнят!

— Знаю, — она вздохнула. — Мы об этом никогда не говорили. Но я тридцать лет работала учителем, преподавала частные уроки. Муж был строителем, поэтому нехватки денег после его смерти я не испытывала. Я жила только на то, что зарабатывала, а остальное откладывала — сразу после того, как мы купили маленький домик. В общем, у твоей семьи будет дом и деньги для начала жизни на второй параллели. Вы сможете здесь обустроиться, подняться выше. А в ответ на мою щедрость прошу только одного — никакого обета безбрачия, — повторила она твёрдо, глядя мне прямо в глаза.

— Нана, я поверить не могу... — простонала я и разрыдалась, уткнувшись в её плечо. Всё вдруг показалось таким несправедливым: её болезнь, её жертва, её желание подарить мне шанс на другую жизнь ценой моего страха и тайны.

— Успокойся, Милана, — она обняла меня, поглаживая по спине, как в детстве. — Не порть своё личико слезами. Я прожила чудесную жизнь, и в конце пути ты стала моим светлым лучиком в конце тёмного тоннеля. Дом и деньги — это моя благодарность тебе за то, что любишь меня как родную. И я хочу, чтобы ты была счастлива. Пообещай мне.

Я подняла заплаканное лицо и посмотрела на неё. В этот момент она казалась мне не просто Наной — она была воплощением доброты, мудрости и силы. И я поняла, что не могу её подвести.

— Я... я постараюсь, — прошептала я, глотая слёзы. — Я постараюсь быть счастливой. Ради тебя.

Нана улыбнулась — слабо, но искренне — и крепче сжала мою руку. Водопад шумел рядом, капли тумана оседали на наших лицах, а я чувствовала, как в сердце зарождается новая надежда, смешанная с болью и благодарностью.

Весь вечер мы разговаривали — сидели у водопада, пока солнце не опустилось за скалы, окрасив небо в багряно-оранжевые тона. Я начинала плакать, но Нана мягко вытирала мои слёзы большим пальцем и качала головой:

— Ну-ну, Милана, хватит. Слезами горю не поможешь, а мне больно видеть, как ты страдаешь.

Её голос звучал твёрдо, но в глазах читалась такая же боль, которую она пыталась скрыть за улыбкой.

Я попыталась отвлечься и рассказала ей про эксперимент, который хочу провести — про формулу из дневника неизвестного учёного, про состав, который может изменить жизнь меланов, позволив строить дома на внешней земле. Говорила сбивчиво, то и дело запинаясь, но старалась передать всю важность этого открытия.

Нана слушала внимательно, не перебивая, а когда я закончила, кивнула:

— Всё можно устроить в моём доме, когда вы туда переедете. У меня есть отдельная комната, специально оборудованная для опытов. Мой муж увлекался экспериментами, разра-

батовал разные составы для строительства — у него там и колбы, и весы, и даже небольшая печь для нагрева. Ты сможешь продолжить его дело.

Но меня такая перспектива совсем не радовала. Я смотрела на Нану — на её бледное лицо, на тонкие пальцы, лежащие на коленях, — и понимала, что не хочу никакого дома, никаких денег, никакой лаборатории. Я хотела только одного: чтобы Нана всегда была рядом, чтобы она не умирала, чтобы мы и дальше встречались у водопада каждую пятницу, пили чай с травами и говорили обо всём на свете.

Глупо, конечно. Мне без месяца восемнадцать, я ещё верю в сказки, в то, что если очень сильно желать чего-то, оно обязательно сбудется. Но реальность была жестокой: часы тикали, время уходило, а Нана становилась всё слабее.

В десять часов вечера прозвенел колокол — глубокий, гулкий звук, разносящийся по всей параллели. Он напоминал меланам, что пора по домам: скоро совсем стемнеет, и на внешней земле начнётся вьюга, которая даже здесь, на второй параллели, может доставить немало неприятностей. Ветер усилится, температура упадёт, а ледяные порывы будут пробиваться сквозь щели в стенах.

Я помогла Нане подняться — её движения стали медленными, неуверенными — и проводила её до дома. По дороге она рассказывала какую-то забавную историю из своей молодости, стараясь меня подбодрить, но я видела, как ей тяжело идти, как она иногда спотыкается и хватается за мой локоть.

У порога она остановилась, взяла моё лицо в ладони и сказала:

— Помни, Милана: жизнь — это не только то, что с нами происходит, но и то, как мы к этому относимся. Будь сильной. И будь счастливой.

Я кивнула, сглотнув комок в горле, и поторопилась к семье.

Дома я собрала всех в гостиной — маму, папу, Вера и Лила — и рассказала о разговоре с Наной. О её болезни, о завещании, о доме и деньгах, которые она нам оставляет.

— Она... она умирает, — прошептала я в конце, и голос дрогнул.

Мама ахнула, прижала руку ко рту, а папа опустил голову, сжал кулаки. Вер побледнел, а Лил, хоть и не до конца понимал, что происходит, почувствовал общее настроение и прижался ко мне.

Не выдержав, я расплакалась — слёзы хлынули потоком, и я выбежала из комнаты, убежала к себе, захлопнула дверь и упала на кровать, уткнувшись лицом в подушку.

Минут через пятнадцать ко мне пришла мама. Она села рядом, погладила меня по спине, подождала, пока я немного успокоюсь, и тихо сказала:

— Благослови Каменный, нашу родную Нану. Она столько для нас сделала... Всю жизнь за неё свечи в молитве ставить буду.

Я снова шмыгнула носом, вытерла слёзы рукавом.

— Мила, — мама взяла моё лицо в ладони, заставила посмотреть ей в глаза. — Не плачь. Если Нана говорит, что прожила хорошую жизнь, значит, так и есть. Она нашла смысл, она сделала много добра, и теперь хочет, чтобы и ты была счастлива. Своими слезами ты только сделаешь ей больнее. Держись, детка, ты у меня сильная. Ты ведь наша опора, помнишь?

Я кивнула, глубоко вздохнула и вытерла последние слёзы. В груди всё ещё было тяжело, но слова мамы, как всегда, помогли. Я обняла её крепко-крепко, чувствуя, как её тепло передаётся мне, даёт силы.

— Я постараюсь, мам, — прошептала я. — Я буду сильной. Ради Наны. Ради вас. «Нана оставила мне наследство и загадала условие. Но как я могу нарушить обет безбрачия, когда моя тайна может стоить мне жизни?»

Мама поцеловала меня в лоб и улыбнулась — грустно, но с надеждой. А за окном уже темнело, и первые порывы вьюги доносили до нас отдалённый гул ветра, напоминающий, что жизнь продолжается, несмотря ни на что.

Глава 4. День Ли́ла.

Я лежала всю ночь в полудрёме, ворочалась с боку на бок, прислушиваясь к размеренному дыханию родных: мама тихо посапывала, папа иногда вздыхал во сне, а Лил что-то бормотал и смешно морщил нос. Скрип старой кровати, казалось, разносился по всему дому, и я боялась, что разбужу кого-то из них. В конце концов я не стала мучить себя и других этим монотонным звуком, осторожно выбралась из-под одеяла, стараясь не задеть край матраса, и бесшумно встала.

Босые ноги ощутили прохладу деревянного пола — доски были холодными даже летом, ведь дом стоял в низине, где дольше задерживался утренний туман. Я накинула лёгкий халат, который когда-то сшила сама из обрезков ткани, оставшихся после маминых заказов, и на цыпочках прошла на кухню.

Мне нужно было помочь маме — сегодня у Ли́ла день рождения, и она наверняка проснётся рано, чтобы успеть закончить срочный заказ: платье для жены местного чиновника должно быть готово к полудню. А маленькому братцу я хотела устроить настоящий праздник — пусть хоть один день будет наполнен радостью, смехом и чем-то вкусным. Особенно теперь, после разговора с Наной...

Я подошла к окну и на мгновение замерла, любуясь рассветом. Небо на востоке уже порозовело, первые лучи солнца пробивались сквозь серые скалы, отбрасывая длинные тени на узкие улочки первой параллели. Где-то вдалеке слышался стук молотка — кто-то из соседей уже начал работу. Воздух был свежим, с лёгким привкусом дыма от печей и едва уловимым ароматом цветущих мхов, которые изредка пробивались между камнями.

На кухне я зажгла свечу — её мягкий свет озарил знакомые предметы: старый деревянный стол, полки с посудой, мешок с мукой в углу. Достала заранее купленные ягоды — маленькие, тёмно-красные, с терпким ароматом. Их привезли с третьей параллели, где климат был чуть мягче, и они стоили дорого, но я решила, что сегодня можно потратиться.

Рецепт пирога дала мне Нана. Она научила меня замешивать тесто так, чтобы оно получилось воздушным, но плотным, добавлять щепотку корицы для глубины вкуса и смазывать верх яичным желтком, чтобы корочка блестела. Вспоминая её наставления — как она показывала мне, как правильно месить тесто, как подмигивала, говоря: «Главное — вложить в еду частичку души», — я снова почувствовала, как к горлу подступает комок.

Но сегодня нет времени на мои переживания. Я глубоко вздохнула, смахнула слезу и собралась с силами. Весь этот день я посвящу Лилу — его смеху, его радости, его мечтам.

Замесив тесто, я аккуратно выложила ягоды, стараясь распределить их равномерно. Пока пирог пёкся в печи, наполняя дом сладким ароматом, я решила что пора забрать и подарок.

С первыми лучами солнца, пробившимися сквозь узкие щели в ставнях и рассыпавшимися золотыми полосками на полу, я быстро оделась, накинула лёгкий платок и выбежала из дома. Воздух был свежим, с лёгкой горчинкой утреннего тумана, который ещё не успел рассеяться между домами первой параллели.

Бегом я добралась до мастерской гончара — мистер Эван уже был на месте, его руки ловко вращали гончарный круг, а перед ним выростала новая глиняная ваза.

— Доброе утро, мистер Эван! — запыхавшись, воскликнула я. — Я за ложкой!

Он поднял глаза, улыбнулся и кивнул в сторону полки:

— Готова, Милана. И даже уже покрыта глазурью — специально для твоего братца. На серебристой поверхности блестела надпись: «Бери больше». Я завернула её в цветную бумагу, перевязала тонкой лентой — получилось скромно, но по-настоящему трогательно.

Когда пирог был готов, я поставила его остывать на подоконник, и оглядела результат: румяная корочка, аппетитный запах, аккуратная упаковка подарка. Всё готово.

В этот момент я услышала шаги за спиной. Обернувшись, увидела Лила — он стоял в дверях, взлохмаченный, сонный, но уже улыбающийся.

— Мила? — прошептал он. — Ты что, уже что-то приготовила?

— Да, братик, — я улыбнулась, стараясь, чтобы улыбка получилась искренней. — Сегодня твой день. И у меня для тебя сюрприз.

Он подбежал ко мне, обнял за талию, уткнулся носом в халат.

— Я знал, что ты что-то задумала! — радостно прошептал он.

Я погладила его по голове, чувствуя, как боль отступает, уступая место теплоте чувства заботы и любви. Да, сегодня я буду сильной. Ради Лила. Ради мамы. Ради Наны.

Первым проснулся будущий глава семьи — Вир. Он вышел из спальни, потягиваясь и зевая, но уже через минуту сидел за столом, быстро ел кусок пирога и запивал молоком. Его движения были чёткими, собранными — он слишком серьёзно относился к своим будущим обязанностям.

— С днём рождения Лил, — коротко бросил он, вытер рот рукавом и встал. — Я пойду к отцу, помогу ему с заказами.

Я кивнула, чувствуя гордость за старшего брата — несмотря на юный возраст, он уже понимал, что значит ответственность.

Следующими проснулись родители. Мама, увидев накрытый стол, ахнула от радости:

— Мила, ты чудо! — она обняла меня, её руки пахли льняным маслом и нитками. — Теперь я могу не тратить время на готовку и сразу заняться платьем для госпожи Рины.

Она быстро перекусила, поцеловала меня в щёку и заторопилась на работу. Я пообещала помочь ей завтра и проводила её до двери, наблюдая, как она спешит по улице, прижимая к груди свёрток с тканью.

Затем и папа ушёл на работу — его сапоги громко стучали по деревянному крыльцу, а в руках он нёс кожаный мешок с инструментами.

Увидев, что Лил слегка надулся, ожидая привычного «сегодня мы идём к папе в мастерскую», я рассмеялась:

— Не могу смотреть на буку-Лиру, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал весело. — С днём рождения, Лирено! — и протянула ему подарок.

Лил завизжал от радости, вскочил со стула, бросился ко мне, обнял изо всех сил и начал разворачивать подарок, разрывая бумагу с такой скоростью, будто боялся, что ложка исчезнет.

— Мила! — верещал он, прыгая на лавке и размахивая ложкой. — У меня теперь своя подписанная ложка! Я теперь всегда-всегда буду кушать! Правда! И вырасту рыцарем! Ты же меня научишь школьной программе?

— Да, конечно, маленький, — я улыбнулась, чувствуя, как на глаза наворачиваются слёзы радости. — А теперь кушай пирог своей новой ложкой.

Я поставила перед ним тарелку с куском пирога — румяным, с сочными ягодами внутри. Лил тут же зачерпнул ложкой, откусил и зажмурился от удовольствия:

— Вкусно! — пробормотал он с набитым ртом. — Лучше всех!

Лил начал есть пирог, а я задумалась, глядя на его счастливое лицо. А ведь в рыцари не попадают с первой параллели именно из-за того, что у них нет элементарных знаний. Знаний, которые дают в школе, которая есть на второй параллели. На высших параллелях школы тоже есть, но не на первой. У нас её нет, так как комитет образования решил, что она нам не нужна.

В памяти всплыли слова учителя, которого я однажды видела на рынке: «Образование — это привилегия, а не право». Не справедливо отбирать шанс даже у самых низших меланов, но такова жизнь.

Я посмотрела на Лила — он улыбался, облизывал пальцы после пирога и уже придумывал новую песню, напевая что-то себе под нос. И я твёрдо решила: я научу его всему, что знаю. Я

дам ему шанс, которого у меня почти не было. Пусть он вырастет не просто сапожником или ткачом, а кем-то большим. Пусть у него будет выбор.

— Лил, — сказала я мягко. — После завтрака мы начнём с азбуки, хорошо?

— Правда?! — его глаза загорелись. — Буду учиться, как ты!

— Конечно, — я погладила его по голове. — И однажды ты подашь заявку на рыцарский турнир.

Он засмеялся, захлопал в ладоши и снова принялся за пирог, а я улыбнулась, чувствуя, как внутри зарождается новая надежда. Может, правила и несправедливы, но мы найдём способ их обойти. Ради Лила. Ради нашего будущего.

Доев пирог, Лир опять начал напевать свои песенки — на этот раз мелодию плавную, почти колыбельную, с неожиданными переливами и завитками, будто ручей прыгал по камешкам. Я замерла, прислушиваясь, и снова поразила новому напеву: в нём было что-то древнее, почти забытое, словно эхо далёких времён, дошедшее до нас через века.

— Лир, — тихо спросила я, стараясь не спугнуть это хрупкое волшебство, — откуда ты берёшь эти напевы?

Он поднял на меня глаза — большие, ясные, с искринками, которые, казалось, светились изнутри. Улыбнулся, как будто делился самым сокровенным секретом:

— Они мне снятся, — прошептал он, прижимая ложку к груди. — Ещё мне снятся красивые сады с цветами и деревьями — такими высокими, что их верхушки теряются в облаках. Там цветы пахнут так сильно, что голова кружится, а листья шелестят, будто шепчут что-то. И ты там, Мила... Ты гуляешь по этим садам с распущенными волосами, они блестят, как серебро, и ветер играет с ними. Ты смеёшься, а вокруг летают разноцветные птицы...

Я в который раз удивилась воображению ребёнка — такому яркому, живому, способному создавать целые миры за пределами нашей серой реальности на первой параллели. В его словах было столько света и чистоты, что на мгновение мне показалось: а вдруг эти сны — не просто сны? Вдруг где-то действительно есть такие сады?

Сердце сжалось от нежности. Я опустила перед ним на корточки, взяла его маленькие руки в свои и сказала твёрдо, глядя в его сияющие глаза:

— Обещаю, Лир. Сегодня я буду с тобой весь день. Никуда не уйду, не побегу помогать родителям на работу. Только ты и я. Целый день приключений!

Его лицо озарилось такой радостью, что мне стало тепло внутри, будто я глотнула горячего чая в холодный день.

— Правда?! — он подскочил со стула, едва не опрокинув чашку. — А мы пойдём к старому мосту? Там, где вода бурлит и поёт! А потом можем собрать камешки у реки — я видел один, совсем как сердечко! И ещё... ещё...

Я рассмеялась, чувствуя, как тяжесть последних дней немного отступает:

— Всё, что захочешь, маленький. Но сначала — умыться. Ты весь в крошках от пирога!

Лил хихикнул, провёл рукой по щеке, оставил на ней след от ягодного сока, и помчался в умывальную комнату. Я пошла за ним, наблюдая, как он с серьёзным видом трёт лицо полотенцем, а потом, не выдержав, строит смешные рожицы своему отражению в маленьком зеркальце.

Через несколько минут мы уже выходили из дома. Солнце стояло высоко, грело спину, а воздух был наполнен запахом свежей земли и отдалённым гулом работы — где-то стучали молотки, звенели инструменты, перекликались голоса. Первая параллель просыпалась к полуденной суете, но для нас с Лиром сегодня это был особенный день — день без забот, день детских чудес.

— Куда сначала, исследователь? — спросила я, протягивая ему руку.

Он схватил мою ладонь, подпрыгнул на месте и торжественно объявил:

— К мосту! Там начинается наше приключение!

И мы пошли, оставляя позади дом и тревоги, навстречу ветру, солнцу и тем волшебным садам, что жили в снах моего маленького брата. Я шла рядом с ним, слушала его болтовню, смотрела, как он подбирает камешки и восторженно показывает мне каждый «особенный», и думала: «Пусть этот день будет таким же ярким, как его улыбка. Пусть он запомнит его навсегда».

Он стоял на окраине, перекинувшись через бурную реку, что текла с верхних уровней и, словно живая, не замерзала даже в самые лютые морозы.

Мост был древним — никто уже не помнил, кто и когда его построил. Его каменные опоры, покрытые седыми мхами и царапинами веков, уходили глубоко в воду, а деревянные доски настила, хоть и подновляемые время от времени, хранили следы сотен ног, прошедших здесь до нас. Перила, резные, с узорами в виде волн и рыб, местами покосились, но всё ещё держались — будто старый воин, седой и уставший, но не сломленный.

— Мила, смотри! — Лил побежал вперёд, едва не спотыкаясь на неровностях тропинки, усыпанной мелкими камешками и сухими травинками. — Вода поёт!

И правда: река внизу бурлила, пенилась, ударялась о камни, создавая мелодию — то тихую, журчащую, то громкую, почти грозную. Мы остановились у середины моста, вцепились в перила и заглянули вниз. Вода, тёмно-синяя, почти чёрная, крутилась водоворотами, неслась с такой силой, что, казалось, могла унести с собой весь мир.

— Она как живая, — прошептал Лил, широко раскрыв глаза. — Она злится?

— Нет, — я улыбнулась, взъерошив его волосы. — Она просто торопится. Ей нужно успеть донести свои воды до самого низа, до последней параллели, где они впадают в Великий Океан.

— А мы когда-нибудь туда попадём? — он посмотрел на меня с надеждой.

— Может быть, — я не стала обещать невозможного, но и не хотела лишать его мечты. — Когда-нибудь, Лил. Обязательно.

Мы стояли и смотрели, как вода играет с солнечными бликами, как брызги взлетают вверх и оседают на наших лицах прохладными капельками. Лил начал считать водовороты, потом решил, что каждый из них — это портал в другой мир, и стал придумывать, куда они могут вести:

— Этот — в страну сладостей! А этот — туда, где живут драконы! А вот тот, самый большой, — в сад, который мне снится!

Я слушала его, и сердце наполнялось теплом. В его воображении мир был таким ярким, таким щедрым — полным чудес, которые взрослые давно перестали замечать.

Потом Лил захотел собрать «волшебные камни» у подножия моста. Мы спустились по крутой тропе, цепляясь за выступы скал, и оказались на галечном берегу. Вода здесь успокаивалась, растекалась шире, и камни, обточенные её течением, лежали ровными рядами — серые, чёрные, коричневые, а иногда и с проблеском чего-то цветного.

— Смотри, Мила! — Лил поднял плоский камешек, совсем как сердечко, и протянул мне. — Это тебе. Чтобы ты всегда помнила этот день.

Я приняла подарок, прижала к груди и обняла его:

— Спасибо, маленький. Я никогда его не забуду.

Он засмеялся, побежал дальше, подпрыгивая, и начал искать ещё камни — для себя, для мамы, для папы, для Вира... Я смотрела на него и думала о том, как мало нужно для счастья: солнце, вода, камни, брат, который верит в чудеса, и день, отданный только ему.

Когда мы вернулись на мост, Лил вдруг остановился и серьёзно посмотрел на меня:

— Мила, а ты правда научишь меня всему, что знаешь? Чтобы я мог стать рыцарем и путешествовать по всем параллелям?

— Правда, — я взяла его за руку. — Я научу тебя читать, считать, понимать мир вокруг. И если ты захочешь, мы найдём способ, чтобы ты увидел все эти места — и сад из твоих снов, и деревья под куполами, и Великий Океан.

Его глаза засияли, он кивнул и снова заулыбался:

— Тогда я буду стараться изо всех сил!

Мы постояли ещё немного, слушая песню реки, вдыхая свежий воздух, пахнувший влагой и далёкими горами. Солнце грело спину, ветер играл с прядями волос, а где-то вдалеке кричали птицы, которых не было на первой параллели — наверное, они залетели сюда с верхних уровней.

— Пойдём дальше? — спросила я.

— Да! — Лил схватил меня за руку. — Теперь к песочнице! Там будет школа!

И мы пошли, оставляя за спиной старый мост, бурлящую реку и эхо детских мечтаний, которые, я твёрдо решила, однажды станут реальностью.

Наша параллель отличалась от других — и это бросалось в глаза с первого взгляда. Под ногами у нас была земля, настоящая, коричневая, рассыпчатая, а не каменные плиты, как на некоторых верхних уровнях. Но, несмотря на это, у нас не приживались никакие растения: семена промерзали уже на глубине ладони, а редкие ростки, пробившиеся весной, гибли от резких ночных заморозков.

Я часто думала о том, как выглядит жизнь на верхних параллелях. Мне рассказывали, что там есть даже деревья — высокие, раскидистые, с густой листвой. На третьей параллели и выше научились их выращивать: огораживали прозрачным куполом из особого стекла, которое не только защищало от ледяного ветра, но и удерживало тепло, создавая внутри маленький тёплый мир. Солнечный свет проходил сквозь купол, преломлялся, создавая на земле причудливые блики, а растения росли, цвели и плодоносили.

На первой и второй параллелях таких куполов не было. У нас даже мох рос лишь в самых укромных местах, защищённых скалами, — тонким изумрудным ковром, который приходилось беречь как сокровище. Иногда я представляла, каково это — гулять в настоящем саду, вдыхать аромат цветов, слышать шелест листьев над головой...

Но сегодня я старалась не думать о несбыточном. Сегодня был день Лила, и я хотела, чтобы он запомнился ему надолго.

Мы нашли укромное место у старой стены, где песок был мягким и ровным, и устроили там нашу «школу». Я вытащила из сумки несколько камешков, ракушек и деревянных фигурок, которые заранее приготовила:

— Смотри, Лил, — сказала я, раскладывая предметы на песке. — Вот три камешка. Если я добавлю ещё два, сколько получится?

Он наморщил лоб, начал считать, загибая пальцы, потом схватил камешки и пересчитал их по одному.

— Пять! — радостно воскликнул он. — А если добавить ракушки?

Так мы учили математику — не по скучным правилам, а через игру. Я придумывала задачи про кораблики, которые плывут в море, про птиц, которые садятся на забор, про конфеты, которые нужно поделить поровну. Лил смеялся, ошибался, снова считал, и в его глазах светилось такое искреннее любопытство, что моё сердце наполнялось теплом.

Потом мы устроились в тени стены, и я достала книги из библиотеки — потрёпанный сборник сказок и учебник по естествознанию с иллюстрациями животных. Читала вслух, а Лил слушал, затаив дыхание, иногда перебивал вопросами:

— А правда, что где-то есть звери с шестью ногами? А они кусаются? А если я встречу такого, я смогу с ним подружиться?

Я отвечала, придумывала истории, дополняла то, что было в книге, и видела, как загораются его глаза.

После чтения мы решили поиграть в резинку — я натянула её между двумя кольшками, которые нашла неподалёку. Лил сначала путался в ногах, подпрыгивал не в такт, падал в песок и тут же вскакивал с хохотом:

— Я сейчас, сейчас научусь! Смотри, Мила, вот так!

Он подпрыгнул снова, опять запутался и плюхнулся на попу, весь в песке, с покрасневшими щеками и сияющими глазами. Я не выдержала и расхохоталась — искренне, от души, запрокинув голову.

— Ты самый неповоротливый прыгун на всей первой параллели! — сказала я сквозь смех.

— Зато я самый весёлый! — парировал он, вскакивая и отряхивая песок с коленей. — Давай ещё раз!

Мы прыгали, смеялись, строили из песка замок с башнями и рвом, а время летело незаметно. Солнце клонилось к закату, окрашивая скалы в золотисто-розовые тона, ветер стал прохладнее, а в воздухе запахло дымом из печных труб.

Лил, покрасневшийся и взъерошенный, сел рядом со мной, прижался плечом и вздохнул:

— Это был самый лучший день рождения, Мила. Спасибо.

Я обняла его за плечи и притянула к себе:

— И это только начало, братик. У нас будет ещё много таких дней. Обещаю.

В этот момент я твёрдо решила: я сделаю всё, чтобы у Лила была возможность увидеть те самые сады и деревья под куполами. Чтобы он смог учиться не в песочнице, а в настоящей школе. Чтобы его мечты не разбивались о жёсткие правила параллелей.

— Пойдём домой? — спросила я. — Мама, наверное, уже приготовила ужин.

— Пойдём! — Лил вскочил на ноги, схватил меня за руку. — А завтра мы снова будем учиться и играть?

— Конечно, — улыбнулась я. — Каждый день.

И мы пошли домой, оставляя на песке следы — большие и маленькие, — которые скоро заметет вечерний ветер. Но воспоминания о сегодняшнем дне останутся с нами надолго. А вечером, когда солнце уже коснулось вершин дальних скал и небо окрасилось в глубокие фиолетовые и алые тона, меня на пороге дома встретил нотариус. Он стоял прямо перед дверью — высокий, сухопарый мужчина в строгом чёрном костюме, с кожаной папкой под мышкой и неизменной печатью на шнурке у груди. Его лицо, вытянутое и бледное, казалось высеченным из камня — ни намёка на эмоции, только деловая сосредоточенность.

Я замерла на мгновение, чувствуя, как внутри всё сжалось от недоброго предчувствия.

— Добрый вечер, — произнесла я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Проходите...

— Благодарю, но я ненадолго, — его голос был таким же сухим, как и внешность.

Я предложила ему воды — у нас не было чая, в нашей параллели не могли себе позволить такую блажь. Это считалось роскошью, доступной лишь жителям третьей параллели и выше.

У нас же довольствовались отваром из сушёных трав — горьковатым, но хоть как-то согревающим в холодные вечера.

«День Ли́ла был прекрасен, но ночью меня ждал неожиданный визит нотариуса. Что он принесёт — хорошие новости или новые испытания?»

Глава 5. Роковая встреча.

Нотариус отказался, слегка качнув головой, и сразу перешёл к делу. Его тон стал ещё более официальным, почти безжизненным:

— С прискорбием сообщаю, что госпожа Нана сегодня отошла на другой свет. Позвольте зачитать завещание.

Он открыл папку, достал лист пергамента с восковой печатью и начал читать — монотонно, бесстрастно, перечисляя пункты: дом на второй параллели, сбережения в банке, библиотека редких книг, коллекция минералов, которую Нана собирала всю жизнь... Каждое слово ударило, как камень.

Я не смогла это слушать. Воздух в комнате вдруг стал густым, тяжёлым, будто пропитанным свинцом. Дышать стало невыносимо трудно — грудь сдавило, горло перехватило, а в глазах защипало. Не проронив ни слова, я развернулась и выбежала на улицу, оставив нотариуса стоять с пергаментом в руках.

Я шла, не разбирая дороги, не понимая, холодно мне или жарко. Ветер хлестал по лицу, но я его почти не чувствовала. Слезы текли по щекам, замерзая на холоде, а я тихо плакала, и с каждым шагом осознание утраты становилось всё тяжелее, всё реальнее.

И тут я поняла, почему Нана сказала, что у неё есть неделя, максимум две. Она не хотела видеть моих слёз. Не хотела, чтобы я мучилась, наблюдая, как она угасает. Она просто хотела попрощаться — тихо, спокойно, оставив в моей памяти образ сильной, мудрой женщины, а не измученной болезнью старушки.

— Моя любимая Нана... — пробормотала я себе под нос, и голос дрогнул. — Ты навсегда останешься в моём сердце моей любимой бабушкой...

Я вздрогнула, когда увидела, как пар идёт изо рта — воздух уже успел остыть, наступала ночь. Первая параллель погружалась в темноту, и только редкие фонари отбрасывали тусклые круги света на мощёную улицу. Где-то вдалеке лаяла собака, а из домов доносились приглушённые голоса — жизнь шла своим чередом, но для меня мир будто остановился.

Остановившись у старой стены, я прислонилась к камням, шероховатым и холодным на ощупь. Вспоминала, как Нана учила меня читать, как рассказывала истории о далёких землях, где деревья растут под прозрачными куполами, как смеялась, когда я впервые испекла пирог по её рецепту... Её голос, её руки, её взгляд — всё это теперь осталось только в памяти.

В кармане я нащупала маленький камешек в форме сердечка, который Лил подарил мне у моста. Сжала его в ладони, чувствуя острые грани, и прошептала:

— Спасибо, Нана. За всё. Я выполню твоё желание. Я не дам обету безбрачия. Я буду жить — ради тебя, ради семьи, ради Лила. Ты научила меня быть сильной. И я буду сильной.

Оказывается, я дошла до входа на внешнюю землю — того самого запретного рубежа, о котором все шепчутся, но мало кто видел вблизи. Он был забит и завален мусором: старые деревянные ящики, проржавевшие бочки, обрывки тканей, покрытые инеем, груды камней и обломков — всё это нагромождалось у арки, словно кто-то нарочно пытался скрыть её от любопытных глаз.

Но там что-то происходило. Слабое мерцание, едва заметное в темноте, пробивалось сквозь щели, а до меня доносились странные звуки — ритмичное гудение, похожее на дыхание огромного зверя, и резкие щелчки, будто кто-то щёлкал пальцами в такт неизвестной мелодии. Но света не могло быть ночью на внешней земле! Там царила вечная тьма, пронизанная ледяным ветром, — так говорили все. И всё же... свет был.

Обуреваемая любопытством, свойственным мне с детства, я огляделась по сторонам — улица была пуста, фонари мерцали далеко позади, а ветер свистел в узких переулках. Глубоко вздохнув, я полезла через мусор. Камни скользили под ногами, ржавые края бочек царапали

руки, но я упорно продвигалась вперёд. Чем ближе я подходила ко входу, тем холоднее мне становилось — я даже накидку не накинула, когда убежала из дома, и теперь тонкая ткань платья не спасала от пронизывающего ветра. Зубы начали непроизвольно стучать, пальцы онемели, но отступить было поздно.

Когда я пробралась к самому входу, то увидела широкую щель между обломками — именно оттуда и лился свет. И он двигался! То вспыхивал ярче, то угасал, пульсировал, словно живое существо. Я замерла, затаила дыхание, прислушиваясь к биению своего сердца. Минуту постояв, борясь с собой, я всё-таки решила заглянуть в щель.

За аркой простиралась ночь внешней земли — чёрная, абсолютная, без единого проблеска звёзд. Но в этой тьме двигались два рычащих агрегата, напоминающих огромных металлических жуков с выпуклыми глазами-фарами. Между ними металась световая дуга — яркие, сине-фиолетовые, с искрящимися краями. Они сталкивались, разлетались снопами искр, снова сходились — и всё это сопровождалось низким гулом, от которого вибрировал воздух.

Я посидела ещё минуту, заворожённо разглядывая странные огоньки. Они завораживали — то растягивались в длинные линии, то сжимались в шары, то рассыпались россыпью искр. Внутри меня боролись страх и любопытство. Что это? Магия? Новое оружие? Что вообще происходит на внешней земле, куда простым меланам вход запрещён?

И всё-таки я вылезла наружу, ступив на внешнюю землю. Если бы мне сказали час назад, что я так сделаю, я бы никогда не поверила. Но эти странные дуги меня настолько заинтриговали, что я была бы не я, если бы не рассмотрела их поближе. Тихо, стараясь не шуметь, я поползла вперёд, прижимаясь к земле, чтобы не напугать эти странные огоньки.

В метрах десяти от них я замерла, наконец разглядев происходящее. Это была драка! Два высших мелана, облачённых в блестящие доспехи, двигались с невероятной скоростью, их фигуры размывались в темноте, а световые мечи — вот что это были за дуги! — сверкали, рассекая воздух. Лезвия то скрещивались с оглушительным треском, то расходились, оставляя за собой мерцающий след.

Рычащие агрегаты рядом — это, скорее всего, летающие машины, о которых много говорили! Они парили над землёй, поддерживая равновесие с помощью вращающихся дисков по бокам, а из их боков исходили лучи света, освещавшие арену сражения.

Один из меланов сделал резкий выпад, его меч описал дугу и ударил в защиту противника. Раздался звон металла, искры брызнули во все стороны. Второй мелан отпрыгнул, перекатился и тут же поднялся, выставив перед собой клинок. Их движения были отточены, быстры, почти нечеловечески точны.

Я затаила дыхание. Страх смешался с восхищением. Я никогда не видела ничего подобного — ни в книгах, ни в рассказах. Это было настоящее сражение, не показательное, не тренировочное, а настоящее. И я стала его свидетельницей.

Осторожно, стараясь не привлекать внимания, я отползла назад, к арке. Сердце колотилось, руки дрожали, но в голове уже крутились мысли: что это значит? Почему высшие меланы сражаются здесь, на внешней земле? И что ещё скрыто за пределами нашей параллели, о чём нам не рассказывают?

Испугавшись, я быстро поползла обратно — прочь от сверкающих мечей и рычащих машин, прочь от опасности, которая теперь казалась осязаемой, почти живой. Но в спешке не заметила острый камень, торчавший из промёрзшей земли: колено с силой на него натолкнулось, и я не смогла сдержать короткого вскрика боли. Тут же зажала рот рукой, чтобы не выдать себя окончательно — звук, казалось, разнёсся по всей внешней земле, такой безжизненной и глухой.

Боль пульсировала, отдаваясь в ногу, но я поползла ещё быстрее, извиваясь по земле, цепляясь пальцами за неровности почвы. Сердце билось так сильно, что, казалось, вот-вот выскочит из груди. Я почти добралась до спасительной щели между обломками у входа на

внешнюю землю — ещё пара движений, и я окажусь в безопасности, в знакомом мире первой параллели...

— Лен, стой, тут кто-то есть, — раздался сзади мужской голос, приятный баритон, спокойный и уверенный, но в нём слышалась настороженность.

— Нет тут никого, Горд! — отозвался второй, чуть более резкий и насмешливый. — Это ты, видимо, начал проигрывать, вот и выдумываешь, чтобы дальше не продолжать. Стой! Куда...

Я умудрилась ускориться ещё сильнее, несмотря на боль в колене. В голове билась одна мысль: «Только бы успеть! Только бы пролезть в щель!» Но не тут-то было.

Моя макушка внезапно почувствовала препятствие — я упёрлась головой в груды камней, преграждавших путь к заветной щели. Замерла, затаила дыхание, потом медленно подняла голову — и увидела меч.

От клинка шёл мягкий, пульсирующий свет — неяркий, но достаточный, чтобы осветить сапоги его владельца. Кожаные, безупречно начищенные, с высоким голенищем и изящной строчкой по краю — таких я в жизни не видела. Мой папа хоть и сапожник, но делает обувь для простых меланов: из плотной ткани, с толстой подошвой из пластин грибов, растущих на скалах внешней земли — они хоть и прочные, но грубые, без изысков. А эти... они выглядели так, будто их создали для кого-то из высших.

— Ну и кто тут у нас? — произнёс тот самый мягкий баритон. — Ещё один бедолага, захотевший покончить жизнь самоубийством на внешней земле?

— Ну-ка дай взглянуть, — отозвался второй голос, и в тот же миг меня, словно нашкодившего щенка, резко подняли за шкуру.

«Это ещё что такое?» — пронеслось у меня в голове. Не позволю так с собой обращаться! И я, собрав остатки смелости, пнула ногой задиру.

Ох, похоже, зря... Меня тут же выпустили из рук, и кто-то закричал, явно задетый моим ударом. Видимо, я попала ногой в самое ценное место мелана. Я свалилась на землю, сильно ударившись обоими коленями — боль вспыхнула с новой силой, — а самое страшное: моей голове стало как-то холодно! То есть платок с меня сняли! Ну или он упал в процессе моего доказывания несправедливости и неправильного со мной обращения.

Пока я пыталась понять, смогу ли ползти дальше, меня снова подняли за шкуру. Да что же это такое! Я снова наметилась пнуть ногой, но на полпути её с невероятной скоростью поймали. Я прикинула и пнула второй — её тоже на полпути поймали! В одну руку! «Это что там за рука такая у этого высшего?!» — мелькнуло в голове.

Понимая, что остались только руки, я собралась пустить в ход эту «малую артиллерию», но меня остановил мягкий баритон высшего:

— Вот это сюрприз. Как это понимать? — сказал он, поднося меч к моему лицу.

Малой артиллерией, в виде рук, пришлось прикрывать лицо от света, исходящего от меча — он слепил, заставляя щуриться. Меня поставили на ноги, поддержали, пока я не смогла стоять сама, и начали разглядывать с ног до головы, подсвечивая мечом. Остановившись на моём лице и волосах, он снова спросил:

— Как это понимать?

— Н... Не-е знаю, — ответила я, голос дрожал.

Пару минут мы молчали. Я начала трястись — на внешней земле всегда было холодно, а я была в одном тонком платье, которое уже промокло от сырости. Увидев это, «мягкий баритон» снял с себя странную куртку — она была из какого-то лёгкого, но невероятно тёплого материала — и укутал меня в неё. Стало сразу теплее, и мысли начали проясняться.

Этот высший понял мою особенность — и волосы теперь никак не скрыть. Надо быстро придумать, как отсюда сбежать. Не удержавшись от созерцания высшего, я начала его разглядывать — насколько это возможно. Его волосы даже в ночи были светлыми и их было видно даже без света меча. Как я не могла это раньше заметить! Видно, глаза привыкли к темноте только сейчас. Лицо было плохо видно, но я рассмотрела жёсткие линии подбородка, прямой нос, высокие скулы. Он был очень высокий — выше меня на голову. А при моём росте в 175 см это очень высоко. Сильные руки и торс, который стал виден, когда он снял куртку.

— Этого не может быть! — заявил он. — Я знаю императора и всю его Читы. Тебя там нет! Как ты сюда попала?! Кто ты?! — снова спросил он, и в голосе прозвучала не просто настороженность, а настоящее изумление.

Я начала злиться. Да что ему надо от меня! Ну пролезла я в эту щель, ну посмотрела! Ну что с него убыло-то ли!

— Я никто, — ответила ему грубо. — Пролезла в щель вон в том выходе на внешнюю землю. И я никакого отношения не имею к Чите императора! — уже на повышенных тонах продолжила я. — Но это не даёт тебе и ему права брать меня за шкуру, как щенка! — закончила я свою браваду.

На что на меня как-то странно посмотрели и ответили:

— А подсматривать у тебя, я так понимаю, право есть?

Мы с полминуты сверлили друг друга взглядами — я с вызовом, он с недоумением и какой-то странной задумчивостью. А после этот наглец заявил:

— Всё, садись в машину, на месте разберёмся, кто ты и откуда.

Я перепугалась. Что мне делать? Я не могу никуда поехать — меня казнят!

Второй высший, видимо оклемавшись от моего удара, начал спорить с первым:

— Горд, какого хрена! Зачем ты её тащи... — не успел закончить он на полуслове. — Этого же не может быть! У неё волосы светятся! Как у императора! Но этого же не может быть! Все женщины по прямой линии из Читы императора погибли!

Сердце замерло. Они знают что-то, чего не знаю я. Я, понимая, что другого шанса не будет, тихо отступала назад — к заветной щели, стараясь не делать резких движений. Взгляд метался между двумя высшими, мечом, светящимся в темноте, и спасительным проходом в знакомую первую параллель. Каждая секунда тянулась бесконечно, а внутри нарастала паника — но я знала: если хочу выжить, нужно действовать быстро и решительно.

— Да, Лен, я знаю. Поэтому и забираю её с собой. Чтобы на месте всё выяснить, — ответил, видимо, Горд. Его голос звучал твёрдо, без тени сомнений.

— Но они светятся! Ты понимаешь?! Волосы на внешней земле могут светиться только у... — начал Лен, и в его голосе прозвучало неподдельное волнение, почти страх.

— Хватит, Лен, поднимайся и полетели, — резко перебил Горд. В его тоне прорезалась властность, не терпящая возражений.

Тем временем я уже добралась до входа и начала проползать в щель. Камни царапали плечи, обломки досок цеплялись за подол платья, но я не обращала внимания — страх гнал вперёд, придавал сил. Узкая щель казалась спасением, мостом между смертельной опасностью и родной первой параллелью.

— Эй! Куда?! А ну стой, поганка! — крикнул Лен. В его голосе смешались злость и досада.

— Сам поганец! — ответила я и побежала сломя голову к дому, не разбирая дороги. Ноги скользили на обледеневших камнях, дыхание сбивалось, сердце колотилось так, что, казалось, вот-вот выскочит из груди.

Я слышала, как дверь сзади начали ломать — в щель-то им не пролезть. По треску и грохоту было ясно: дело идёт к успеху. Этот звук придал мне новых сил — я мчалась так, как никогда раньше, перепрыгивая через выбоины, огибая груды мусора, петляя между старыми постройками.

Прибежав к первым домам, я остановилась на мгновение, переводя дух. Руки дрожали, но я заставила себя действовать: оторвала от юбки длинную полосу ткани — жаль платья, но сейчас это не главное — и быстро повязала на голову, скрывая волосы. Оторвала ещё кусок и завернула в него куртку Горда — этот своеобразный подарок, который теперь мог меня выдать. Спрятала узелок под мышкой.

Добежала до дома — он стоял чуть в стороне от других, с покосившейся ставней и крышей, покрытой мхом. Тихонько приоткрыла дверь: внутри пахло травами и деревом, слышалось мерное дыхание мамы, которая, к счастью, ещё не проснулась. Я проскользнула внутрь, стараясь не шуметь, и прыгнула напрямик в кровать, натянув одеяло до подбородка.

Глава 6. Неизвестность.

Сердце всё ещё колотилось, дыхание вырывалось прерывисто. Я лежала неподвижно, прислушиваясь к каждому звуку за окном: не идут ли за мной? Не ищут ли? В голове крутились мысли: «Что это было? Почему они так отреагировали на мои волосы? Что значит „светятся, как у императора“?»

Мама зашевелилась, повернулась на другой бок. Я затаила дыхание, стараясь дышать ровно и спокойно. Через несколько мгновений её дыхание снова стало ровным — она не заметила моего возвращения.

Постепенно дрожь утихла, но тревога осталась. Я осторожно вытащила из-под одеяла узелок с курткой Горда и на мгновение прижала его к груди. Ткань была мягкой и тёплой, пахла чем-то незнакомым — металлом, дымом и ещё чем-то, что напоминало о внешней земле.

«Они не оставят это просто так, — думала я. — Горд не из тех, кто отступает. Он захочет выяснить, кто я и почему мои волосы светятся. А если узнают правду... Что тогда?»

В памяти всплыли слова Лена: «Все женщины по прямой линии из Читы императора погибли!» Значит, я — исключение? Или кто-то ошибся? И если они начнут искать меня всерьёз, спрятаться будет негде. Первая параллель мала, все друг друга знают.

Я закрыла глаза, пытаясь успокоиться. Завтра нужно будет действовать — придумать план, решить, кому можно доверять. Виру? Он серьёзный, но надёжный. Маме? Она испугается и начнёт запрещать мне выходить из дома. Лилу? Он слишком мал, чтобы хранить такие тайны.

Но сейчас главное — не выдать себя. Притворяться, что ничего не произошло. И быть начеку.

За окном завывал ветер, доносились отдалённые звуки ночной жизни первой параллели. Я глубоко вздохнула, завернулась в одеяло и постаралась уснуть. Но сон не шёл — перед глазами всё ещё стояли светящиеся мечи, высокие фигуры высших меланов и взгляд Горда, в котором смешались изумление и решимость.

— Мила, милая, — тихо сказала мама, присаживаясь на край моей кровати и осторожно касаясь моего плеча. — Не переживай так сильно за Нану. Она умерла во сне. Это лучшая смерть, какая могла бы быть при её болезни. Она прожила хорошую жизнь и была доброй старушкой. Оказывается мама не спала.

Я лежала, уткнувшись лицом в подушку, чувствуя, как к горлу подступает комок. Слова мамы должны были утешить, но вместо этого боль утраты стала ещё острее. Я перевернулась на спину, вытерла слёзы рукавом ночной рубашки и посмотрела на маму. Она уже сидела рядом и её лицо, обычно такое спокойное и уверенное, сейчас выглядело уставшим, измождённым — будто за одну ночь она постарела на несколько лет.

— Да, мам, я знаю, — голос дрожал, срывался. — Но я уже скучаю! И что я буду делать в следующую пятницу? — последние слова я произнесла шёпотом, а потом не выдержала и разревелась по-настоящему, громко, взахлёб, как в детстве.

Мама погладила меня по голове, провела ладонью по волосам — так, как делала, когда я была маленькой и разбивала коленку, падая с забора. Она ничего не говорила, просто сидела рядом и терпеливо ждала, пока я проплачусь, пока слёзы перестанут литься ручьём, а дыхание выровняется.

Когда я успокоилась, вытерев глаза уголком одеяла, мама заговорила снова, но теперь в её голосе звучало что-то новое — не просто забота, а лёгкая нотка удивления и даже любопытства:

— Милочка, Нана в своём завещании упомянула о лаборатории, в которой ты бы очень хотела проводить свои эксперименты. — Она сделала паузу и с лёгким укором посмотрела на меня. — Правда, почему-то я ни о каких экспериментах ничего не знаю...

Я покраснела, чувствуя себя пойманной на месте преступления. Конечно, я рассказывала маме не обо всём — например, о том, как тайком собирала редкие минералы у подножия скал или пыталась воссоздать формулу светящегося состава, который видела у высших меланов.

— ...Но Нана просила оставить лабораторию тебе, — продолжила мама, и её взгляд смягчился. — Если тебе нечем занять пятницу, теперь ты сможешь её занять экспериментами. Нам, конечно, понадобится твоя помощь на второй параллели, — она встала и направилась к двери, но остановилась на пороге. — Но мы готовы на эту жертву. Лишь бы ты была счастлива, милая! А мы сами справимся. Утром собери вещи, днём мы переезжаем в новый дом.

— Уже?! Так быстро?! — воскликнула я, резко садясь в кровати. Сердце забило чаще — от неожиданности, волнения и какой-то странной смеси страха и восторга.

— Да, милая, — мама обернулась, и в её глазах я увидела ту же решимость, что и у Вира, когда он принимал важные решения. — Ты же понимаешь, что чем быстрее мы переедем, тем быстрее твои братья начнут получать образование. На второй параллели есть школа, настоящая, с учителями и библиотекой. Отец останется пока здесь, чтобы закончить со всеми делами. А мы поедem устраиваться на работу на новом месте. Да и работу нужно будет найти очень быстро, чтобы папа быстрее перебрался к нам.

Я кивнула, пытаясь осознать всё сказанное. Лаборатория Наны... переезд... новая жизнь на второй параллели. В голове закружились мысли: смогу ли я продолжать свои исследования? Как отреагирует Лил на перемены? И что будет с теми тайнами, которые я начала раскрывать на внешней земле?

— Хорошо, мам, — я глубоко вздохнула, стараясь унять волнение. — Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, милая, — улыбнулась мама и погасила лампу, оставив комнату в полумраке. Перед тем как выйти, она на мгновение задержалась в дверном проёме, посмотрела на меня с теплотой и добавила: — Всё будет хорошо. Нана бы этого хотела.

В груди всё ещё теплилась боль от утраты, но рядом с ней появилось что-то новое — робкая надежда. Лаборатория... возможность заниматься тем, что я люблю. И шанс дать братьям лучшее будущее.

Я повернулась на бок, подтянула колени к груди и закрыла глаза. Завтра начнётся новая глава. И я должна быть готова — ради семьи, ради памяти Наны и ради тех тайн, которые ждут меня впереди.

Глава 7. Переезд.

Утром я проснулась с головной болью и опухшими от слёз глазами — ночь выдалась беспокойной, сны то и дело прерывались видениями: то светящиеся мечи высших меланов, то лицо Наны, улыбающейся мне из полумрака. Но я глубоко вздохнула, выпрямилась и, собрав всю волю в кулак — с выдержкой настоящего рыцаря, как говорила сама Нана, — принялась за дело.

Я аккуратно сложила в сумку свои немногочисленные вещи: потрёпанную тетрадь с записями об экспериментах, несколько минералов, собранных у подножия скал, старый компас, который когда-то чинил папа, и маленький камешек в форме сердечка — подарок Лила. В последний раз окинула взглядом комнату, где прошла большая часть моей жизни, и вышла к маме и братьям.

— Готова? — мама окинула меня внимательным взглядом, и в её глазах мелькнуло понимание. Она подошла и на мгновение прижала меня к себе. — Знаю, тяжело. Но мы справимся. Нана бы гордилась тобой.

Лил, с рюкзаком, который был почти больше него самого, подпрыгивал от нетерпения:

— Мила, а мы будем жить рядом с парком? Там есть качели? А школа далеко?

— Всё узнаешь скоро, — улыбнулась я, взерошив его волосы. — Главное, что мы вместе.

Вир, старший брат, молча взял у меня сумку — он всегда был немногословным, но надёжным.

На лифте со стражами проблем не возникло. Мы предъявили документы, и стражи, проверив печати, пропустили нас без лишних вопросов. Оказывается, помимо завещания нотариус принёс ещё и разрешение на выход на вторую параллель с постоянным проживанием — документ с восковой печатью и подписью самого магистрата. Я с удивлением рассматривала его: Нана всё продумала заранее.

Домик оказался маленьким, но уютным — с каменными стенами, увитыми плющом, и крышей из тёмно-красной черепицы. Раньше я к Нане в дом не заходила, только провожала её до калитки, а теперь буду здесь жить. Сердце сжалось от тоски: вот дорожка, по которой она ходила, вот ступеньки, которые скрипели под её ногами... Я на мгновение прикрыла глаза, стараясь не дать слезам пролиться снова, и глубоко вздохнула.

— Ну что, за работу! — бодро сказала мама, и мы принялись за обустройство.

В доме было шесть комнат: три спальни, лаборатория, помывальня и большая кухня, объединённая с гостиной, чему мама была особенно рада.

— Наконец-то можно будет готовить без спешки, — пробормотала она, проводя рукой по столешнице. — И печь настоящую выпечку, а не эти жалкие лепёшки...

Мне досталась комната Наны. Войдя в неё, я замерла на пороге: всё здесь напоминало о моей старушке. Старинный шкаф с резными дверцами, стол у окна, заваленный книгами и склянками, кресло-качалка с пледом, наброшенным на спинку, — будто она только что встала и вышла на минутку.

Я решила ничего здесь не менять. Аккуратно повесила свои четыре платья в шкаф рядом с её платьями — тёмными, строгими, но удивительно изящными. Сложила книги на полку, добавив свои к тем, что читала Нана: потрёпанный том по ботанике, справочник по минералам, сборник древних легенд...

Провела пальцами по полке, потом по тумбе у кровати, по спинке кресла. В памяти всплыло морщинистое улыбочное лицо бабушки, её голос, рассказывающий мне истории о далёких землях, её руки, тёплые и шершавые, показывающие, как смешивать порошки для опытов.

Когда я легла на подушку, почувствовала её запах — едва уловимый, но такой знакомый: смесь лаванды, чернил и чего-то неуловимо родного. На мгновение мне показалось, что она сейчас войдёт в комнату, сядет рядом и скажет: «Ну что, моя умница, какие у нас планы на сегодня?»

Я закрыла глаза, глубоко вдохнула и улыбнулась сквозь слёзы.

— Спасибо, Нана, — прошептала я. — Я не подведу тебя.

В этот момент в дверь постучали.

— Мила? — это был Лил. — Можно я тут с тобой посижу? Тут так странно... всё чужое, а тут как будто она рядом.

Я подвинулась, похлопала по кровати рядом с собой.

— Конечно, заходи.

Он забрался ко мне, прижался боком, и мы сидели так несколько минут, слушая, как внизу мама с Виром переставляют мебель и переговариваются о чём-то своём.

Новый дом. Новая жизнь. Но память о Нане останется со мной — не как боль утраты, а как опора, как компас, указывающий путь

Бедная моя Нана... Я долго лежала, вспоминая часы, проведённые с ней: как она учила меня, как показывала, какие травы дают стойкий краситель, как рассказывала легенды о древних алхимиках, которые умели превращать обычный камень в светящийся кристалл. В памяти всплывали её тёплые руки, слегка шершавые от работы, её тихий смех, когда я в очередной раз что-то спрашивала или допускала элементарные ошибки, и её неизменное: «Ничего, Мила, ошибки — это ступеньки к открытию».

Наконец я встала, вытерла слёзы и отправилась посмотреть лабораторию. Она находилась прямо у кухни — небольшая дверь с потускневшей латунной ручкой, которую я раньше не замечала. Толкнув её, я оказалась в помещении, окутанном пыльной тишиной. Видимо, со смерти мужа Нана сюда не заходила: слой пыли на полках был таким толстым, что на нём можно было оставить след пальцем, а паутина в углах свисала причудливыми кружевами.

Я вооружилась ведром с тёплой водой, тряпкой и щёткой — и принялась за уборку. Постепенно комната оживала: под слоем пыли проступали очертания стеллажей, заставленных склянками, банками и коробками с непонятными надписями; на стенах обнаружили полки с книгами в кожаных переплётах; в центре стоял массивный дубовый стол с царапинами от реагентов, а под ним — большая тумба с выдвижными ящичками, каждый из которых при открывании издавал протяжный скрип.

Лаборатория оказалась меньше в два раза, чем остальные комнаты, но достаточно вместительной за счёт стеллажей вдоль стен — они тянулись почти до потолка. На полках стояли колбы разной формы, медные тигли, ступки с пестиками, связки засушенных трав, мешочки с порошками, баночки с кристаллами. Я с благоговением касалась всего этого — здесь хранился целый мир знаний, оставленный мне мужем Наны.

Закончив уборку, я вытерла руки о фартук и прикинула список того, что мне ещё понадобится: несколько колб с узким горлышком, водяная баня, набор фильтров, новые реактивы, лопатка для перемешивания, несколько ящиков для хранения образцов. Взяв листок бумаги и карандаш, я аккуратно записала всё, стараясь ничего не упустить.

На рынке мне удалось купить всё необходимое — торговцы уже знали меня как «внучку Наны» и даже сделали небольшую скидку. Довольная, я вернулась в новый дом, расставила всё по местам и приготовила всё к своему первому эксперименту: разложила инструменты, проверила освещение, разложила образцы минералов, которые планировала исследовать.

К этому времени мама и братья тоже закончили обустраиваться. Мы сели ужинать за большим деревянным столом на кухне. Аромат тушёных овощей и свежего хлеба наполнил комнату, создавая атмосферу домашнего уюта.

За ужином младший брат Лил щебетал без умолку:

— А вы видели, какие тут улицы? Широкие! И дома не как у нас, а с витражными окнами! А ещё я сегодня встретил мальчика, он сказал, что тут есть парк с фонтаном! — его глаза горели восторгом, а руки так активно жестикулировали, что чуть не опрокинули кружку.

Мы с Виром и мамой тихо улыбались, глядя на его эмоции. Вир, старший брат, лишь качал головой, но в уголках его губ тоже пряталась улыбка. Мама ласково погладила Лила по голове:

— Ну вот видишь, милый, не так уж всё и страшно на новой параллели.

— Да я и не боялся! — тут же отозвался Лил, гордо выпрямившись. — Просто... просто непривычно. Все члены семьи освоились и началась новая жизнь.

Глава 8. Сны

Ночью мне приснился тот самый высший мелан по имени Горд. Он стоял в полумраке, освещённый лишь слабым светом своего меча, и смотрел на меня своими чёрными глазами — глубокими, бездонными, словно две бездны. Я проснулась в недоумении, села на кровати, пытаюсь отдышаться.

«Почему глаза чёрные? — думала я, глядя в темноту комнаты. — Ведь они должны быть синие, голубые, серые или, на худой конец, карие, как у меня! С тёмным цветом глаз рождаются только на нижних параллелях, а чёрные я вообще первый раз вижу, хотя была на двух низших параллелях...»

Сердце всё ещё колотилось, а по спине пробежал неприятный холодок. Этот взгляд... он будто проникал внутрь, искал что-то.

Немного оклемавшись от странного сна, я умылась холодной водой, чтобы прогнать остатки тревоги, и побежала на работу. Мама снова ворчала мне в дорогу:

— Мила, ну возьми хотя бы пирожок! Я столько старалась, готовила...

— Мам, я правда не успею, — улыбнулась я, застёгивая куртку. — Но спасибо, всё было очень вкусно!

В мыслях же у меня был только дневник учёного, который я сегодня заберу домой, — потрёпанный, с кожаной обложкой и пометками на полях. Совсем скоро, уже в пятницу, я начну свой первый эксперимент.

Жизнь потекла спокойным размеренным руслом. Младшего братца устроили в школу — он с восторгом рассказывал о новых друзьях и уроках, усердно учился, стараясь не отставать. Старший брат Вир устроился на работу в мастерскую по обработке минералов, а вечерами ходил на курсы по механике — мечтал когда-нибудь открыть своё дело. Я в свободное от работы время помогала им наверстывать упущенное из школьной программы: Лилу — с чтением и арифметикой, Виру — с физикой и химией.

Мама устроилась на работу в ателье — теперь она кроила платья, а не ткала полотно, как раньше. Это порадовало не только её, но и меня: работа была чуть проще и оплачивалась дороже, так как требовала чёткости действий и расчётов. По вечерам мама показывала мне основы кроя, а я делилась с ней своими знаниями о натуральных красителях, камнях и прочем — так мы нашли новый способ сотрудничества.

Когда настала пятница, мой первый эксперимент, увы, не удался. Как говорится, первый блин комом. Мне не хватало элементарных предметов: нескольких колб, ящиков для хранения реактивов и лопатки для перемешивания. В итоге время, отведённое на эксперимент, я провела в поисках нужного на рынке, бегая от лавки к лавке. Но я не отчаивалась — как говорится, и на моей улице будет праздник.

Через две недели к нам вернулся отец, закончив все дела на первой параллели, и тоже устроился на работу — теперь он помогал в городской библиотеке с каталогизацией древних книг. Всё начало налаживаться: мы стали чаще ужинать вместе, шутить, строить планы.

В выходные дни родные не работали, а отдыхали, и я смогла уделить больше времени своим открытиям. Лаборатория мужа Наны стала моим вторым домом: я разбирала его записи, повторяла опыты, пыталась понять логику его экспериментов.

В библиотеке тоже всё было хорошо. Мальчишки Ког и Дир подали заявки на участие в турнире юных изобретателей и с нетерпением ждали ответа комиссии. Они продолжали приходить каждый день, учились дальше — Ког увлекался механикой, а Дир — химией, и я иногда помогала им разобраться в сложных темах.

А парень с чёрными глазами мне так и снился ночами. Он стоял и смотрел на меня, не пытаясь разговаривать. Его взгляд был тяжёлым, изучающим, будто он пытался прочесть мои

мысли. И каждый раз, просыпаясь, я чувствовала, как по спине пробегает холодок. Что он хотел? Почему я не выходила у него из головы? И самое главное — что будет, если он снова меня найдёт? И что это за сны и связь такая?

Глава 9. Перерождение.

Прошло ещё две недели, и в день моего рождения случилось то, что перевернуло всю мою жизнь с ног на голову.

Утро выдалось удивительно ясным — первые лучи солнца пробивались сквозь занавески, окрашивая комнату в нежные золотистые тона. Я проснулась с ощущением чего-то особенного: может, это был день рождения, а может — предчувствие перемен. По привычке потянулась к часам на тумбочке — они показывали семь утра. В воздухе витал тонкий аромат лаванды: мама, должно быть, разложила свежие веточки по дому, чтобы создать праздничное настроение.

Я умылась холодной водой из кувшина, чувствуя, как свежесть прогоняет остатки сна, и надела своё любимое платье — простое, но аккуратное, с вышивкой вдоль воротника, которую сделала сама. Сердце слегка трепетало: сегодня мне исполнялось восемнадцать, и хотя мы не могли позволить себе пышного торжества, я знала, что семья приготовила какой-то сюрприз.

Затем я побежала на работу — в городскую библиотеку. Путь пролегал через оживлённые улицы второй параллели: здесь было чище и просторнее, чем на первой, дома стояли ровными рядами, а вдоль тротуаров росли кусты с пурпурными цветами, источавшими тонкий медовый аромат.

Не успела я дойти до массивных дубовых дверей библиотеки, как меня сбили с ног Ког и Дир — оба покрасневшиеся, запыхавшиеся, но сияющие от счастья.

— Мила, нас взяли! — наперебой кричали они, чуть ли не подпрыгивая от восторга. — Нас приняли!

Их голоса звучали так громко и радостно, что прохожие оборачивались, улыбаясь. Ког, высокий и худощавый, с вечно растрёпанными волосами, размахивал каким-то документом, а Дир, коренастый и крепкий, сжимал в руках папку.

— Как же я рада за вас! — я рассмеялась, чувствуя, как сердце наполняется теплом. — И несколько не сомневалась в ваших силах. Я же воочию видела, как вы усердно занимаетесь, часами учите, спорите, записываете идеи... Вы заслужили это!

Я обняла парней и поцеловала в лоб обоих — как делала иногда, когда они расстраивались из-за неудач.

Ког тут же покраснел до корней волос, неловко поправил очки и пробормотал:

— Ну... мы же многому у тебя научились. Без твоей помощи мы бы...

— Да, Мила, ты нас здорово поднатаскала! — перебил его Дир, но тут же смутился и потупил взгляд. — То есть... ну, ты поняла.

Они стояли передо мной, переминаясь с ноги на ногу, стараясь скрыть смущение за нарочитой бравадой. Ког теребил край рубашки, а Дир то и дело теребил папку.

— Идите уже, — я мягко подтолкнула их в плечи. — Готовьтесь. Я буду болеть за вас на турнире!

— Обязательно придёшь посмотреть? — с надеждой спросил Ког.

— Конечно, — улыбнулась я. — Разве я могу пропустить такое?

Парни, ещё раз поблагодарив меня, попрощались и побежали прочь — видимо, делиться радостной новостью с родными. Я смотрела им вслед, пока они не скрылись за поворотом, и не могла сдержать улыбки.

Но стоило мне повернуться к двери библиотеки, как я заметила кое-что странное: у входа стоял высокий мужчина в тёмном плаще. Его лицо было частично скрыто капюшоном, но что-то в его позе показалось мне знакомым... Слишком знакомым.

Сердце пропустило удар. Чёрные глаза. Тот самый взгляд.

Горд.

Он сделал шаг вперёд, и я невольно отступила. Что он здесь делает? Как нашёл меня?
И главное — зачем?

День рождения только начался, а жизнь уже готовилась преподнести мне сюрприз — и, судя по всему, далеко не самый приятный...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.